

Н. Д. БАРАБАНОВ

БОРЬБА ВНУТРИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЦЕРКВИ НА РУБЕЖЕ XIII—XIV вв.

Период правления императора Андроника II Палеолога (11.XII.1282—24.V.1328) был отмечен высоким накалом идейно-политической борьбы, охватившей все византийское общество, от верхушки до низов. Ареной для идейных сражений являлись города Византии и прежде всего, конечно, сердце империи — Константинополь, важнейший экономический центр, средоточие гражданской и церковной власти. Политическая жизнь столицы на рубеже XIII—XIV вв. определялась столкновением господствующих в стране центробежной и центростремительной сил, оказавших самое серьезное влияние на все институты империи. Глубокий отпечаток наложило взаимодействие названных сил на византийскую церковь, борьба внутри которой была отражением и продолжением противоречий, свойственных в ту эпоху социально-экономическому и политическому развитию державы. Сокрушавшие церковь битвы развернулись на фоне исключительно сложной исторической обстановки, сложившейся в империи в годы правления Андроника II. Упадок ремесленного производства, кризис податной системы и пагубные перемены в военной сфере в совокупности с тяжелым внешнеполитическим положением дестабилизировали ситуацию в государстве¹. Со времен Михаила VIII высокое напряжение сохранялось в церкви, где привычным явлением стали смуты, заговоры и мятежи². В первую очередь это касается Лионской унии, заключенной в 1274 г. и вызывавшей возмущение и ненависть большей части народа и духовенства, так что Андроник II был вынужден порвать с ней. Однако волна репрессий против приверженцев унии отнюдь не истребила униатских настроений среди части клириков, а лишь заставила адептов союза затаиться. После разрыва Лионского соглашения вновь на политическую арену выступили сторонники свергнутого патриарха Арсения, которые долгое время пребывали в тени, влившись в общий поток антилатинской борьбы. Продолжали подрывать единство церкви и другие влиятельные раскольники — иосифиты и григориты, требовавшие восстановления репутации своих кумиров. Все эти группировки духовенства вели борьбу не только с центральным правительством, но и между собою, что касается прежде всего арсенитов и иосифи-

тов, для примирения которых Андроник II в 1284 г. созывал собор в городе Адрамиттии. Предпринятая попытка, завершившаяся сожжением свитков с обвинениями обеих партий друг против друга, успеха все же не имела. Тот же результат увенчал намерение императора заставить арсенитов заключить мир с церковью на соборе 29 сентября 1306 г. Не взирая на пламенную речь василевса, вызвавшего к их разуму и совести, схизматики остались верны расколу³.

Значительные изменения происходили в этот период и в глубине византийской церковной системы — продолжали расти богатства и политическое влияние монастырей⁴, епископы, стяжавшие огромные богатства и давно превратившиеся в церковных феодалов, становились на путь борьбы за автокефалию. В среде рядовых клириков зрело недовольство явным разложением церковной верхушки.

Борьба внутри византийской церкви достигает апогея в годы правления патриарха Афанасия I, дважды занимавшего экуменический трон — 14.X.1289—16.X.1293 и 23.VI.1303—IX.1309. Деятельность его в качестве вселенского пастыря получила противоречивую оценку современников, часть которых (главным образом это представители элиты) высказывала недовольство излишней суровостью мер, предлагаемых им для пресечения развивавшихся в византийском обществе пороков, что, однако, не помешало вскоре после смерти Афанасия I причислить его к сонму святых.

В данной статье мы остановимся только на одном, на наш взгляд, очень важном аспекте политической борьбы в империи во время правления Афанасия I. Речь идет о самой бескомпромиссной, упорной, занимающей оба понтификата, но так и не получившей полного завершения борьбе патриарха с архиереями, которые всеми возможными способами противились его политике. Эта конфронтация отражена не только в сочинениях историков Георгия Пахимера и Никифора Григоры, но также и в письмах самого патриарха. Из его переписки, изданной А.-М. Толбот⁵, нами выделена особая группа писем, которые целиком посвящены или содержат указания на взаимоотношения между патриархом и епископами. Сюда относятся послания, изданные под номерами: 2, 3, 16, 23, 25, 28, 30, 31, 32, 48, 69. За исключением № 48 (не датировано) и 2 (имеет точную дату — сентябрь 1297 г.)⁶ все письма отнесены издательницей ко времени второго патриаршества — 1303—1309 гг., причем особенно выделены 1303—1305 гг., когда, по мнению Толбот, борьба была наиболее острой⁷. Как будет видно далее, Пахимер и Григора сообщают о том, что Афанасий с самого начала первого правления повел борьбу с архиереями и продолжал наступление вплоть до своего отречения, а потому мы можем полагать, что столкновения патриарха и епископов в равной степени присущи обоим периодам его понтификата.

Жестокие битвы сопутствовали каждому шагу Афанасия I. Уже обстоятельства его избрания указывают на то, что кандидатура будущего патриарха отнюдь не без сомнения была принята архиереями, подавшими императору традиционный список претендентов на экуменический трон. Первым в этом перечне был назван епископ Первой Юстинианы Геннадий, вторым — прот Афона Иаков, третьим — Афанасий⁸, который был рекомендован Андронику II евнухом Гонополитом. Василевсы обычно избирали кандидата, называемого первым⁹, однако случилось непредвиденное: Геннадий, к принятию которого склонялся император, категорически отказался (Пах. р. 139.15—21). Его примеру последовал Иаков. Афанасий не стал отвергать предложения и был интронизован. Пахимер, не принадлежавший к числу сторонников патриарха, отмечает как грозное предзнаменование его правления передаваемый из уст в уста рассказ о том, что при хиротонии Афанасия Каракал — митрополит Никомидийский увидел в Евангелии, открытом на голове посвящаемого, слова: «дьяволу и ангелам его» (Пах. р. 146.12—16). Этот своего рода эпитафия к патриаршеству Афанасия I выражает настроения значительной части византийского архиерейства, с первых дней правления вставшей в оппозицию центральной церковной власти.

К тому времени епископат претерпел серьезную эволюцию, разительно изменившую его первоначальный облик. Уже в VI в. епископ являлся весьма важной фигурой: помимо христиан, которыми он должен был управлять, помимо диоцеза, которым должен был заведовать, архиерей обязан был вмешиваться в дела, относящиеся к ведению только гражданской власти. На его плечах лежало руководство церковными имуществами и осуществление надзора за монастырями¹⁰. В IX—X вв. укрепление феодальных элементов во всем византийском обществе и в самой церкви наложило печать и на епископат, который постепенно вливается в класс феодалов¹¹. Вместе с тем меняется нравственный уровень архиерейства, получивший тенденцию к снижению. Состав его заполняется властолюбцами и карьеристами¹². Письма Афанасия I свидетельствуют о том, что букет пороков, свойственных духовным иерархам, продолжал украшать здание византийской церкви и в конце XIII в.

Не только отрицательные перемены, происшедшие в имущественном положении и нравственном состоянии епископата, указывали на тяжелую болезнь византийской церкви. Афанасий в одном из писем вполне конкретно называет все, на его взгляд, важнейшие источники, откуда происходила угроза православию. Патриарх сообщает самодержцу о том, что одному из схизматиков было видение Спасителя, висящего на кресте с разорванной на пять частей плотью (Аф. ер. 69.44—46). Несомненно политический и назидательный характер этого видения¹³, тем более что под плотью Христовой подразумевается византийская цер-

ковь¹⁴. «Когда же скорбно заплакал видящий,— продолжает рассказ патриарх,— и об отважившемся на ужасное спросил,— вы, сказал Спаситель ему, Арию, уподобившиеся насколько возможно, тот только хитоном моим, вы же плотью распоряжаетесь, как ты видишь» (Аф. ер. 69.46—49). Далее Афанасий говорит, что сей человек, видимо, понял, что первый разрыв тела Христова — от «соединения с италийцами» (Аф. ер. 69.49—50), т. е. от Лионской унии. Второй — от арсенитов, третий и четвертый — от патриарха Александрии и епископа Тира и от многих вместе с ними в столицу пришедших на погибель добра (Аф. ер. 69.50—53). Пятый — из-за того сияющего роя «добрых иереев» и от тех, кто побуждает их на их же собственную беду и на ломание строя церкви (Аф. ер. 69.53—55). Период возникновения всех перечисленных раскольнических элементов патриарх помещает во времена правления своих предшественников — владык Арсения, Иосифа, Григория, при которых «вред и несправедливость случались в церкви», но не их обвиняет он в беспорядках, а тех, кто при них в церкви возвысились, имея в виду арсенитов, иосифитов и григоритов (Аф. ер. 2.6—9). Именно на долю Афанасия I выпала борьба с этой разноликой оппозицией.

Никифор Григора сообщает, что, утвердившись на патриаршем троне, Афанасий I обратил свое грозное лицо к архиереям и ученым клирикам¹⁵, так что вскоре они, во множестве пребывавшие в столице, были вынуждены бежать из нее (Григ. р. 181.11—15). К чему же сводится суть обвинений, под предлогом которых патриарх повел решительную борьбу с епископами? Одно из них состоит в том, что архиереи, отступив от заповедей, бросили свою паству и прибыли в Константинополь, заботясь лишь о собственной выгоде. Другое содержит множество указаний на совершенное падение нравов пастырей и присущие им пороки. «Известно твоему от бога царскому величеству, что ныне архиереи ни в чем ином обретались и обретаются, кроме как в пьянках, ссорах и раздорах» (Аф. ер. 16.2—4). В том же зле обвиняет он и некоторых монахов, причем особенно акцентирует внимание на фактах использования перечисленными лицами тех или иных предлогов для своей выгоды¹⁶. Афанасий заканчивает свое рассуждение в этом письме тем, что обличает «председательствующих синодально», которые «не ради истины между собой бранятся» (Аф. ер. 16.4—7). Настойчиво повторяя одинаковые формулировки обвинений в разных местах одного и того же письма, патриарх как бы стремится приучить самодержца к мысли о безысходной порочности архиереев и тем самым лишить их надежд на расположение императора. Так, по его словам, имена неправедных пастырей написаны на позорном столбе, они заботятся о получении выгоды, беззаботно в развлечениях пребывая в столице (Аф. ер. 48.6—7). А вскоре он отмечает, что вынужден оплакивать те беззакония, которые эти, развлекаясь, здесь совершили (Аф. ер. 48.9—11). Столь же серь-

езное обвинение выдвигает он, говоря о коррупции в среде епископов, особенно тех, которые удостоились быть членами суда. У них нет иного преимущества, кроме как подкупаться судящимися (Аф. ер. 30.22—25), отмечает Афанасий. Дошло до того, что ныне «ни один из правителей не идет в суд, не расположив их прежде в свою пользу», — сообщает он в другом письме (Аф. ер. 25.5—6). Причину высокого накала страстей на сессиях суда патриарх также видит в продажности епископов: «...участвующие в заседании часто противоречат друг другу и до оскорблений нисходят не ради справедливости, но чтобы подать не попусту приносилась» (Аф. ер. 48.11—14). Не свершая должного в синоде и судах, названные пастыри и церковные свои обязанности отринули — они отказываются от молитв и бодрствований и насмеваются над теми, кто радеет об этом (Аф. ер. 30.21—22).

Одной из причин, толкающих архиереев на оставление своих епархий, Афанасий считает их желание вести борьбу с патриархами. «Что же за сила влечет их сюда, что оставили церкви свои? Не желание ли это устраивать собрания против патриаршствующего и прения друг с другом вплоть до сего дня?» — риторически вопрошает он Андроника (Аф. ер. 25.16—18). Ведь последнему были прекрасно известны обстоятельства низложения трех последних патриархов — Арсения, Иосифа и Григория, уступивших трон в жестокой борьбе. «По причине какого закона они изгнали названных патриархов?» — продолжает спрашивать Афанасий, подразумевая, что ответ может быть только один: это сделано беззаконно (Аф. ер. 2.12). Находясь в столице, архиереи не только вершат свои козни и интриги, но при случае пытаются опереться и на василевса — они ищут у него безопасности и даже почестей! (Аф. ер. 48.7—9). Это важное обстоятельство указывает на то, что епископы не менее Афанасия стремились заручиться поддержкой императора в своих делах.

Не менее, чем моральный облик архиереев, заботит патриарха положение оставленной ими паствы. Неоднократно он сообщает автократуру о том, что многие из «добрых пастырей» не проявляют никакой заботы о пасомых и потому выходит, что они ныне самих себя пасут, а не овец (Аф. ер. 48.2—6) ¹⁷. Еще раз приводит Афанасий эту цитату из Ветхого Завета, когда осуждающе говорит о практике передачи тем, кто заботы о простых овцах не вершит, духовных овец Христа (Аф. ер. 30.14—17). Видимо, он подразумевает деяния Андроника II по раздаче некоторым митрополитам и патриархам монастырей столицы. Совершенно недопустимой считает патриарх позицию василевса по отношению к епископам, бежавшим из разгромленных врагами городов. «Если ты знал, святой император, о гибели на востоке городов... отчего не повелел ты живущим там уходить и сюда добираться?» (Аф. ер. 30.2—4), — спрашивает он, отмечая затем, что одним архиереям это было разрешено (Аф. ер. 30.4—5). Был ли специальный указ Андроника II, или бегство

совершалось с его молчаливого одобрения, здесь рассудить трудно, но для Афанасия важно иное — автократом не было повелено тем пастырям в их стадах находиться и именно поэтому наказывает ромеев бог (Аф. ер. 30.6—9). Ведь долг пастуха, по его мнению, — сопереживать мужественно со стадом Христовым все страдания «до крови» (Аф. ер. 31.2—5). А в противном случае «многих надолго лишенных пастырей случится съедение волками» (Аф. ер. 48.21—22), что, в свою очередь, лишит ромеев возможности найти оправдание перед лицом бога, поскольку все, кто лишь о самих себе заботятся, те не Иисуса Христа (Аф. ер. 30.17—19). Такое внимание к пастве уже утраченных империей территорий есть не что иное, как стремление сохранить византийское влияние на народы. Ведь Афанасий считал временными те несчастья, которые переживало государство, следовательно, он рассчитывал на возвращение отторгнутых земель.

Письма патриарха изобилуют обвинениями в адрес конкретных лиц, так что мы легко можем узнать имена его главных противников. Первым в их ряду стоит патриарх Александрии Афанасий, который пользовался уважением и большой благосклонностью у василевса (Григ. р. 216.14—15). Именно он с первых дней правления Афанасия I резко встал в оппозицию и сочинил рассказ-предостережение, в котором экуменический патриарх выступал в образе некогда белой кошки, упавшей в чан с краской и переменившей цвет на черный, что нисколько не повлияло на суровость ее нрава — она стала убивать еще больше мышей (Григ. р. 216.21, р. 217.13). Силу Афанасия Александрийского составлял не только его авторитет при дворе — еще при Михаиле VIII восточному патриарху были дарованы монастыри Лавры Архистратига и Великого Поля, следовательно, он имел опору в монахах этих обителей¹⁸. Насколько важно было каждому провинциальному архиерею, желавшему иметь влияние в столице, получить в ней во владение монастырь, показывают следующие факты: Андроник II пожаловал монастырь Одигитрии Кириллу, патриарху Антиохии¹⁹, монастырь Мосель был отдан арсенитам²⁰, монастырь Nea Mone — Иоанну, митрополиту Гераклеи Понтийской²¹, обителью Theotoku tes Psuxosostios владел Григорий, епископ Первой Юстинианы²², даже католическому ордену францисканцев было позволено возвести свой монастырь в Константинополе²³. Находясь под властью своекорыстно настроенных иерархов, многие обители столицы являли, таким образом, как бы очаги сопротивления или опорные пункты борьбы против центрального церковного правительства, в частности Афанасия I.

Не удивительно поэтому, какое страстное стремление имел патриарх к тому, чтобы перевести те монастыри под свой контроль. Первой жертвой в развернувшейся битве пал Афанасий Александрийский. Вселенский владыка обвинил его в том, что

он пренебрежительно относится к синоду и патриарху, кроме того, склоняется к своеволию (Аф. ер. 69.99—101). Также Афанасий I жаловался автократуру на то, что александриец принимает в список православных лишь тех, кого желает, и отвергает других (Аф. ер. 69.97—98). Негодуя, он уверял василевса в том, что начинания патриарха Александрии направлены против бога, против его собственной души и несчастных монахов, они — «словно жестокая буря, возжигаемая дуновениями дьявола, замышляемыми им хитростями и средствами против церкви» (Аф. ер. 69.63—68). Борьба завершилась полным поражением Афанасия Александрийского, который был выслан из столицы и удалился сначала на остров Родос, а затем и в Александрию, где вскоре умер²⁴. Однако архиереи — сторонники изгнанного долго еще не желали вступить в церковное общение с экуменическим патриархом и уступили лишь перед настойчивыми просьбами императора (Пах. р. 409—410).

Не менее, чем главе Александрийской церкви, пришлось претерпеть другим архиереям, находившимся в столице. Ни одного из них Афанасий не обошел своим вниманием. В письмах к самодержцу он жалуется на то, что митрополит Сард стяжал немалые владения, среди которых виноградник, пахотная земля, сад, мастерские (Аф. ер. 25.14—16), кроме того, перейдя в оппозицию, этот пастырь не упоминает имени патриарха на литургии (Аф. ер. 69.158—159). Афанасий доводит до сведения императора, что архиерей Вичины ежегодно сдавал в аренду имущества своей церкви на 800 перперов! (Аф. ер. 25.13—14). Известно, что епископ Вичины Лука в 1300 г. выступал в качестве посредника между Андроником II и аланами из орды Ногая²⁵ и на основе этого требовал себе права жить на византийской территории²⁶. Точное местонахождение крупного города-порта Вичины до сих пор не известно²⁷, однако, как бы отдален он ни был, сама попытка епископа уйти, бросив часть своей паствы, не могла нравиться Афанасию I. В других письмах патриарха мы находим указания на дурной пример пребывания в столице архиерея Траянополя (Аф. ер. 30.20), обвинения в адрес митрополита Халкедона в том, что он истощает средства монастыря Космидион (Аф. ер. 69.155), жалобы на митрополита Тира, который, по словам Афанасия, имеет желание освобождать иереев и дьяконов от их обязанностей (Аф. ер. 69.97—98). Кроме того, он пребывает в монастыре Одигитрии и наносит вред этой обители. «К чему ведет епископа Тира в монастыре Одигитрии пребывание?» — спрашивает патриарх (Аф. ер. 69.59—60) и отвечает «Всячески на погибель его собственной души, на погибель видящих и слушающих его, к порче насельников обители и к завоеванию тайному и явному, как мы видим, бессильной церкви» (Аф. ер. 69.60—62).

Весьма интересен вопрос о взаимоотношениях Афанасия I и митрополита Филадельфии Феолепта, пользовавшегося огром-

ным авторитетом в Константинополе и при дворе, где долгое время самой влиятельной фигурой был его преданный почитатель Никифор Хумн²⁸. Источники позволяют предполагать, что их отношения склонялись к враждебности, ведь патриарх не терпел конкурентов в деле влияния на монашество²⁹. Более того, Феосепт принадлежал к числу ярых приверженцев унии³⁰, а Афанасий еще со времен борьбы против Векка был известен как антиуниат. Поэтому мы находим в одном из писем, где речь идет о хозяйственных делах, намек на то, что императору не мешало бы выслать архиереев Филадельфии и Нимфея в их уделы, чтобы они занимались чем положено (Аф. ер. 25.20—21). Тут же отмечено, что названные пастыри «роптали и ропщут, выплаты же их в долгу остаются» (Аф. ер. 25.22—23).

Естественно, что все перечисленные архиереи — противники патриарха отнюдь не без боя сдавали свои позиции. В конечном счете, именно их сопротивление лежит в основе двух его отречений от трона. Оппозиционеры старательно стремились придать своему поведению правомерный характер, объяснить свои действия и заявления требованиями канонов и священного писания. Так, оправдывая оставление ими паствы и появление в столице, они выдвигали в качестве поводов разного рода хлопоты перед гражданским начальством, участие в хиротонии, получение хрисовулов³¹. Без этого они подверглись бы отлучению в соответствии с 11-м правилом Антиохийского собора³². Выступая против желания Афанасия распродать часть церковных имуществ с тем, чтобы использовать средства на вспоможение беженцам (Аф. ер. 25.6—9), они не пожелали даже устроить голосование в синоде, говоря: «...церкви преимущественно нам принадлежат; как и господь говорит, что не хорошо отнять хлеб у детей и бросить его псам» (Аф. ер. 25.9—12)³³. Требуя отречения Афанасия I, епископы пытались представить свою позицию как основанную на всеобщем возмущении народа. «Я спросил требующих отречения, по какой причине хотят сместить меня, и слышал, что «народ не желает тебя», поэтому я невольно дал отречение», — сообщает патриарх (Аф. ер. 2.50—53). Гнев архиереев на Афанасия был столь велик, что, по словам Григоры, они готовы были даже растерзать его, если бы он дальше стал удерживать за собою трон (Григ. р. 191.8—10). Поэтому ими не забыт и такой испытанный метод борьбы, как заговор (Григ. р. 258.20—22), который стал причиной второго ухода патриарха. Обстоятельства его известны: на подножии патриаршего седалища был тайно вырезан лик Христа Спасителя и император Адроник II с уздою во рту. Конец уздечки находился в руках изображенного тут же Афанасия (Григ. р. 259.1—7). Сей рельеф весьма символично отражает взгляд современников на отношения императора и патриарха, возведен степень влияния последнего на Андроника. Между тем выходка дала повод к новым издевательствам, и Афанасий, не удовлетворившись наказанием виновных, отрекся.

Арсенал методов борьбы патриарха с епископатом был достаточно широк. Одно из средств, которое он применял против архиереев,—жалобы на них в его молитвах. «Против святого алтаря стоя, руки и очи простирая к Спасителю, «Господи, говорил я, неба и земли и творец всего сущего, если по призыву твоему и совету была мне поручена церковь твоя, выслушай тех, кто против меня и говорят, и голосуют» (Аф. ер. 2.33—36),—рассказывает он императору, перечисляя затем тех, кого в своей молитве просил осудить: «...здесь все архиереи деятельные и праздные, духовник василевса, вместе с Геннадием и Селлиотом и всеми им подобными, которые говорят против меня» (Аф. ер. 2.39—41). Именно потому, что Афанасий I предавал гласности содержание своих молитв, выражая тем самым публично свое осуждение деяний клириков, мы относим их к одной из форм борьбы.

Другим грозным оружием в руках патриарха являлось отлучение непокорных архиереев от церкви. Широко известна история с письмом Афанасия, которое написал он перед первым своим отречением. В этом послании он предал анафеме всех епископов, народ и даже царское семейство и затем спрятал ту грозную бумагу в нише храма Святой Софии, где она была случайно обнаружена (Григ.р. 191.17—21). В письме от сентября 1297 г. патриарх объясняет причину этого своего поступка—она коренилась в тревоге «о незаконно причинявших мне зло» (Аф. ер. 2.4—5). Тем самым Афанасий хотел показать, что тревожился не столько за себя, сколько за своих неправедных противников—ведь именно на них падет гнев божий. Умолчал же он о содеянном, чтобы позже стало явным, насколько через его изгнание отлученные сделали бы церковь лучше, чтобы не погоняли бы они совесть и чтобы не разрывали бы народ христов схизматики (Аф. ер. 2.59—62). Ведь, отмечает патриарх, если по мнению василевса и обычаю канонов и справедливому решению изгоняют из церкви, то сам бог дает им согласие (Аф. ер. 2.41—43), но если из-за пустых и вздорных обвинений, защищая страсти свои и чужие, против всякой истины сместили они патриарха, то тогда, «по определению святой и животворной Троицы я отлучаю их» (Аф. ер. 2.43—48).

Третьей и самой действенной формой борьбы Афанасия I с епископатом является изгнание архиереев из столицы. В одном из писем патриарх напоминает Андронику II: «Я часто доводил до сведения твоего от бога царского величества, что если каждый из архиереев не возвратится в удел его, церковь не оставят ни волнения, ни восстания» (Аф. ер. 25.2—5). Исходя из этого положения, Афанасий требовал содействия самодержца в возвращении епископов к пастве. «Архиереев вышли в наказание в уделы их, чтобы не были съедены волками их овцы как никем не пасомые»,—призывает он василевса (Аф. ер. 3.60—62). «Итак, или прикажи, чтобы каждый отправился в свой удел, или

никогда не перестанут они роптать и против церкви, и против власти» (Аф. ер. 25.18—20), — предупреждает патриарх в другом письме. Часто в своих посланиях он указывает на то, что архиереи должны быть высланы, даже если они того не желают (Аф. ер. 28.4—5, 18—19), и требует не позволять более пастырям пребывать далеко от назначенного им по закону (Аф. ер. 48.24—28). В одном из писем, созданном, возможно, в минуту отчаяния, Афанасий пишет: «...пусть будет им приказано возвращаться каждому к своей пастве или же дайте нам паству, чтобы идти к ней» (Аф. ер. 30.26—27), и «мы даем клятву, что никогда не стали бы от нее сюда уходить» (Аф. ер. 30.27—28). С другой стороны, эта фраза могла иметь тонкий расчет, целью которого было запугать императора возможностью ухода патриарха в разгар церковного кризиса. Таким образом, мы видим, что Афанасий буквально принуждал Андроника II к принятию решительных мер со стороны гражданской власти. Кроме того, естественно, он действовал сам. Так, он извещает автократора, что, приняв решение об архиереях, будет изгонять их из города, желающих или нежелающих, и слово Христово защитит тем отважным действием (Аф. ер. 30.33—36).

Изгнание архиереев из столицы было необходимым условием для успешного осуществления задуманных патриархом реформ. Возвращением пастырей в их диоцезы Афанасий достигал сразу нескольких целей.

Во-первых, владыка опасался, что грехи архиереев не будут им прощены богом, который уже сейчас наказывает из-за них христиан. Кроме того, Афанасий I сам боялся претерпеть от бога наказание как ответственный за все творящееся в церкви (Аф. ер. 69.2—9).

Во-вторых, лишение паствы пастырей создавало угрозу самому православию, особенно в районах Малой Азии. Высылая епископов, патриарх тем самым пытался укрепить веру в народную массу и задержать процесс исламизации.

В-третьих, возвращение архиереев заставило бы их вплотную заняться хозяйственными делами, что упорядочивало получение доходов.

В-четвертых, одновременно с выдворением «добрых пастырей» Афанасий возобновил древнюю традицию собирать синод один раз в году. «Лишь великому синоду единожды каждый год необходимо их посещение, недолго пребывая и обратно к пастве торопясь» (Аф. ер. 31.5—7). Однако вовсе не каждого архиерея желал патриарх видеть присутствующим на заседании. Григора сообщает, что Афанасий запрещал въезд в Константинополь тем епископам, которые прибывали под предлогом исполнения правил святых соборов, повелевающих им два или один раз в год собираться у патриарха (Григ. р. 182.2—7). Известно к тому же, что архиереев, находившихся в столице, он отправил в их епархии, где те должны были оставаться «до конца жизни» (Εκεῖ το

leipon tou biou diatelesontas.— Григ. р. 181.20—23). Таким образом, очевидно, что Афанасий хотел ограничить круг участвующих в синоде своими единомышленниками. Кто принадлежал к их числу или хотя бы не выступал против, ясно из следующего письма, в котором владыка угрожал отлучением всем архиереям, кто не отправится в удел свой, кроме епископов Гераклеи, Меленика, Апамеи, Врися и трех других, чьи имена не названы (Аф. ер. 2.74—77). Скорее всего, именно к ним можно отнести замечание Пахимера о том, что Афанасий пользовался поддержкой архиереев, получивших свою хиротонию от него (Пах. р. 372.13—15). Призывая в синод своих ставленников и закрывая доступ туда противникам, патриарх последовательно добивался превращения этого важного органа в действенный инструмент своей политики.

В-пятых, на что мог рассчитывать Афанасий, выдворяя архиереев, это нередко прямое физическое уничтожение своих врагов, особенно когда дело касалось их возвращения в районы, занятые турками. «Ведь сегодня как никогда справедливо им со своей паствой умереть»,— решительно заявляет он (Аф. ер. 30.32—33).

В-шестых, удаление епископов лишало их возможности влиять на столичное монашество — важную политическую силу. Монополия в духовной жизни Константинополя была крайне выгодна Афанасию, стремившемуся закрепить все важнейшие должности в аппарате церкви за монахами.

В-седьмых, изгнание архиереев являлось одной из скрытых форм идеологической экспансии. Епархии, в которые предстояло вернуться многим пастырям, лежали в землях, давно отпавших от Византии (Александрия, Тир). Кроме того, во время второго правления Афанасия им была возведена в степень митрополии бывшая Галичская епископия³⁴ и поставлен в митрополиты Киевские Петр, бывший игумен воынский³⁵. Пристальное внимание к столь отдаленным районам — несомненно, проявление заботы о распространении византийского влияния.

Конкретным выражением борьбы патриарха с епископатом было издание соответствующих указов. «Что же справедливее, если было приказано каждому из архиереев, желающих или нежелающих, в удел возвращаться? (Аф. ер. 32.6—7). Не каноническое ли это и должное?» (Аф. ер. 32.7) «...Каждому из святых епископов предстоит вскоре уехать в ему предназначенную епархию»,— отмечает он в другом письме, созданном, видимо, сразу после издания указа, где ставит перед императором вопрос о необходимости того, чтобы евреи и армяне покинули столицу (Аф. ер. 23.1—3,6—7). Однако приказы патриарха встречались в штыки теми, против кого были направлены. Отсюда необходимость прибегать к анафеме и другие способы борьбы Афанасия I с епископатом. О том, как трудно проводились в жизнь указы, свидетельствует преамбула патриарха к ряду синодаль-

ных постановлении, в которой перечислены участвовавшие в заседании святейшие архиереи Гераклея, Анкиры, Сард, Халкедона, Писисды, Апамен, Крита, Дидимотики, Филиппополя, Херсона, Приконниса, Кия, Веррои, Ахера, Пергама, Визии, Месины, Дерка, Карпафа, кандидаты Диррахия и Лопадия³⁶. Здесь перечислены не только сторонники патриарха, но также те, кого он бичевал в своих письмах к императору.

Еще один элемент, используемый Афанасием в борьбе с архиереями,— постоянное настраивание императора против них, мощный эмоциональный нажим на него. Призывая василевса вершить дела, огорчительные для неправедных, патриарх напоминает ему, что надо стремиться к тому, чтоб лучше люди огорчались, а не бог (Аф. ер. 32.2—3, ер. 30.31—32)³⁷. Из конкретных наставлений следует отметить совет не всегда верить говорящим архиереям, но лишь когда говоримое и совершаемое ими соответствует божественной воле (Аф. ер. 2.9—12), рвение о том, чтобы пастыри, покинувшие овец и лишь о собственных страстях заботящиеся, не остались бы безнаказанными (Аф. ер. 30.12—14). В конце одного весьма экспрессивно написанного письма Афанасий следующим образом поучает василевса: «...и придай им (архиереям.— *Н. Б.*) смелости, если они видят властвующих преступающими закон, правдиво твоей от бога царственности сообщать, и чтобы чтить бога учили бы народ, а не магией и колдовством и прочими кощунствами оскорблялись бы, из-за чего нисходит гнев божий» (Аф. ер. 3.64—66). В этой очень глубокой фразе скрыто многое — желание патриарха поставить институты церкви на службу государству, уничтожить беззаконие правящих, стремление поднять и укрепить веру в народной массе и здесь же — намек на отступление некоторых священников от православия и причина бедствий государства — гнев божий, приходящий из-за прегрешений духовенства.

Однако письма Афанасия полны не только советов императору, но и упреков в его адрес. Патриарх пишет, что в наиболее горькие минуты, когда архиереи причиняли ему зло, а клир и монахи избегали встреч с ним, изливая на него оскорбления, брань и насмешки, он был забыт и душой василевса (Аф. ер. 2.26—30), который совершенно не боролся за него (Аф. ер. 2.24—26). «Из-за этого я и вынужден был отречься, даже не найдя ни одного сострадающего» (Аф. ер. 2.31—32), — завершает он свой упрек. Утрата поддержки императора, о которой говорит в этой фразе Афанасий I, произошла в результате происков епископата, склонившего в тот момент чашу весов на свою сторону.

Кроме того, кризисы во внутренней и внешней политике, связанные с нападением турок в Малой Азии, с войнами Венеции и Генуи, с каталонской кампанией, не всегда позволяли Андронику II обращать должное внимание на просьбы патриарха, а попытки последнего вмешиваться в семейные дела самодержца могли усилить тенденцию к разрыву между ними. В одном из

писем патриарх рисует картину своего безотрадного положения в синоде. Владыка сообщает, что если, как имеющий опасение о незаконно вдовствующих церквях, он созовет синод из праздных архиереев, обретающихся в столице, то они изберут на вакантные места себе подобных (Аф. ер. 48.18—21). Если же без них предпримут дело, то он будет осуждаем за отступление от канона (Аф. ер. 48.22—23). И все же осознание собственного бессилия имело обратный результат — оно было мощным рычагом, толкавшим патриарха на борьбу, тем более, что Афанасию были известны примеры прямо противоположного отношения к духовным владыкам: «...достойно сожаления, что в ином городе пастырь управляет им по мере сил, здесь же ему противится любой желающий» (Аф. ер. 30.29—31)³⁸. Исправить положение, обрести действительную постоянную власть и на ее основе провести задуманные преобразования — вот что было одной из задач патриарха в период двух его правлений.

Стараясь сделать императора своим сподвижником, Афанасий рассчитывал в борьбе не только на него. Главную опору патриарха составляли монахи, поставленные им архиереи и более широко — демократические слои духовенства. Именно простыми монахами хотел заменить он всех должностных лиц в церкви, четкая иерархическая организация которой должна была, по его мнению, взята на себя многие функции государственного аппарата. Он предлагал, например, вассилевсу выслушивать о положении дел в монастырях не их представителей, а своих монахов-осмотрщиков, которые, переезжая из обители в обитель, изучали состояние дел. Так, патриарх советует императору, если тот желает быть осведомленным относительно положения Акапния, спросить под клятвою Илию, который известен как человек правдивый, и тот расскажет, почему 300 перперов от аввы Иоанна из Виры в Фессалонике не добился (Аф. ер. 16.13—17). В ином письме мы находим намек на то, что даже архиереев Филадельфии и Нимфея можно заменить, ведь они «роптали и ропшут, выплаты же их в долгу остаются», а между тем их дела «и другие могут делать, особенно сегодня» (Аф. ер. 25.22—23). Заботясь об укреплении опоры в монашестве, патриарх сам основывал монастыри³⁹ и возводил храмы⁴⁰. В подвластных ему обителях он заменял игуменов своими сторонниками. Кроме того, Афанасий находился в постоянной связи с афонскими монахами, которым направлял циркулярии⁴¹. Он писал протам⁴², вмешивался во внутренние споры Лавры и в выборы ее игуменов⁴³. Именно его деятельностью была подготовлена передача права назначать прота Афона патриарху⁴⁴.

Опора патриарха не была монолитной, поскольку монашество ослаблялось внутренней борьбой. Верхушка его, представляемая игуменами, протами, высшими должностными лицами монастырей, имела тенденцию к сближению с белым духовенством, что противопоставляло ее демократическим слоям и вносило раскол

в позицию черного духовенства. Подтверждением этому служит стремление епископов избирать патриарха из близкой себе среды — из светских лиц или игуменов. Так Иосиф I (1268—1275, 1282—1283) был до избрания игуменом Галисийского монастыря, Григорий II Кипрский (1283—1289) имел чин придворного апо-столярия, Иоанн XII Созопольский (1294—1303) — бывший игумен обители Богородицы Паммакаристы, Нифонт I (1311—1315) — бывший игумен Лавры св. Афанасия на Афоне⁴⁵. Ослаблению монашества способствовало наличие раскольничих группировок типа арсенитской.

* * *

Итак, мы видим, что в борьбе, развернувшейся на рубеже XIII—XIV вв. между Афанасием I и епископами, отразились две тенденции, свойственные развитию церкви в эту эпоху. Первая из них — тенденция к децентрализации, к ослаблению центральной власти. Она была выражена стремлением архиереев к самовластию, нежеланием их подчиняться патриарху, попытками самим решать дела церкви и помещать во главе ее только своих ставленников. Для представителей этой линии было характерно обладание значительными богатствами и желание вести образ жизни, близкий светскому.

В значительной мере реакцией на означенные перемены было появление второй тенденции, представителями которой выступали Афанасий I и его сторонники. Их политическая линия состояла в стремлении жестко централизовать всю власть в церкви, закрепить важнейшие должности в ее аппарате за монахами, добиться политического господства и на основе этого провести задуманные преобразования в церкви, в области морали и права. Кроме того, Афанасию I, вероятно, удалось уловить зреющее в народе недовольство деградацией духовенства. В одном из писем, где им бичуются пороки священников, патриарх спрашивает императора: «...не в соответствии ли с этим возбуждается из-за нужды народ и особенно сегодня?» (Аф. ер. 32.7—8). В таком случае его попытки и реформы, в том числе и борьба с епископатом, — это желание путем преобразований сверху сдержать более мощное народное движение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Барабанов Н. Д. Константинопольский патриарх Афанасий I о недугах византийского общества на рубеже XIII—XIV вв. — АДСВ. Свердловск, 1978, вып. 15, с. 52—53.

² Общую характеристику ситуации в византийской церкви при Андронике II Палеологе см.: Троицкий И. Е. Арсений, патриарх Никеи и Константинополя и арсениты. СПб., 1873; Лебедев А. П. Исторические очерки состояния византийско-восточной церкви от конца XI до половины XV в. М., 1902; Guillard R. La correspondance inedite d'Athanase, patriarche de Constantinople

(1289—1293, 1304—1310).— In: *Melanges Charles Diehl*. Paris, 1930, vol. 1, p. 130—135; **Matschke K. P.** Politik und Kirche im spätbyzantinischen Reich. Athanasios I Patriarch von Konstantinopel 1289—1293, 1303—1309.— *WZKMU*, 1966, Bd. 15, S. 479—486; **Gill I.** Emperor Andronicus II and Patriarch Athanasius I.— *Buzantina*, 1970, t. 2 p. 13—19.

³ **Троицкий И. Е.** Арсени... , с. 254—255, 400—414.

⁴ **Поляковская М. А.** Участие византийских монастырей в политической жизни империи середины XIV в.— *АДСВ*. Свердловск, 1969, вып. 6, с. 55—78.

⁵ The correspondence of Athanasios I patriarche of Constantinople. Letters to the emperor Andronicus II, members of the imperial family, and officials. An edition, translation and commentary by A.-M. Talbot. Washington, 1975. (далее ссылки на письма.— Аф.).

⁶ The correspondence of Athanasios I..., p. 308.

⁷ К этим годам издательницей отнесены письма: 3 (p. 310), 23 (p. 329—, 330), 25 (p. 332), 28 (p. 337), 30 (p. 339), 31 (p. 340), 32 (p. 341).

⁸ Georgii Pachymeres de Michaelae et Andronico Palaeologis libri XIII, rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1835, vol. 11., p. 139. 7—15 (далее — Пах.).

⁹ **Соколов И. И.** Избрание патриархов в Византии с половины IX до половины XV в. (843—1453 гг.). СПб., 1907, с. 76.

¹⁰ **Pargoire R. P. I.** le L'eglise byzantine de 527 a 847. Paris, 1905, p. 56.

¹¹ История Византии. М., 1967, т. 2, с. 170—171.

¹² **Успенский К. Н.** Очерки по истории Византии. М., 1917, ч. 1, с. 59.

¹³ **Гуревич А. Я.** Западноевропейские видения потустороннего мира и «реализм» средних веков.— *Труды по знаковым системам*. 1977, т. 8, с. 5.

¹⁴ Архиепископ Михаил (Мудьюгин). Благодать в Церкви и через Церковь.— *Журнал Московской патриархии*, 1979, № 7, с. 49.

¹⁵ Nicephori Gregorae Byzantina Historia, cura L. Schopeni. Bonnae, 1829—1830, vol. 1—2, p. 181. 2—3 (далее — Григ.).

¹⁶ Речь идет, видимо, о предложениях, необходимых для присутствия в Константинополе, а также тех, которые обязывали каждого архиерея, находившегося в столице, присутствовать на заседаниях синода.

¹⁷ Книга пророка Иезекииля. 34. 2—8.

¹⁸ **Janin R.** La geographie ecclesiastique de l'empire byzantin. Paris, 1953, t. 3, p. 362.

¹⁹ Ibid., p. 209.

²⁰ Ibid., p. 372.

²¹ Ibid., p. 378.

²² Ibid., p. 252.

²³ Ibid., p. 588—589.

²⁴ **Лебедев А. П.** Исторические очерки, с. 359—360.

²⁵ **Кулаковский Ю.** Где находилась вичинская епархия константинопольского патриархата.— *ВВ*, 1897, т. 4, вып. 1, с. 316.

²⁶ **Stanescu E.** Byzance et les pays roumains aux IX—XV siecles.— *XIV siecles. congres international des etudes byzantines*. Bucarest. 1971, 6—12 septembre, Rapports 4, p. 27.

²⁷ См.: **Diaconu P.** Despre localisare Vicinei.— *Pontica*, 1970, t. 3, p. 276—287; **Diaconu P., Barascii S.** Pacuiul lui Soare. Asezarea medievala (secolele XIII—XIV). Bucuresti, 1977.

²⁸ О Феодепте Филадельфийском см.: **Salaville P.** Un directeur spirituel a Byzance au debut du XIV siecle, Theolepte de Philadelphie. Homelie inedite sur Noel et la vie religieuse.— In: *Melanges I. de Ghellinck* (Museum Lessianum, sect. hist., 14), 1951, t. 2, p. 877—887; **Meyendorff J.** Introduction a l'etude, de Gregoire Palamas. Paris, 1959, p. 30—33; **Verpeaux J.** Nicephore Chumnos. Homme d'etat et humaniste byzantin (ca 1250/1255—1327). Paris, 1959, p. 98.

²⁹ Феодепт был духовным отцом столичного монастыря Христа Спасителя Филантропа — **Salaville P.** Un directeur, p. 878.

³⁰ **Laurent V.** Bes crises religieuses a Byzance. Le schisme antiarsenite du metropolite de Philadelphie Theolepte.— *REB*, 1960, t. 18, p. 45.

³¹ **Лебедев А. П.** Исторические очерки, с. 241.

³² Никодим, епископ далматинско-исгрипский. Правила православной церкви с толкованиями. СПб., 1912, с. 71.

³³ Евангелие от Матфея. 15. 26.

³⁴ Павлов А. С. О начале галицкой и литовской митрополий и о первых тамошних митрополитах по византийским документальным источникам XIV в.— Русское обозрение, 1894, май, с. 216.

³⁵ Там же, с. 217.

³⁶ Athanasios I, Patriarch of Constantinople. Novella, ed. G. Ralles and M. Potles.— In: *Suntagma ton theion kai Ieron Kanonon*. Athenes, 1855, vol. 5, p. 121—122.

³⁷ А.-М. Толбот полагает, что это цитата из «Послания к ефесеянам», 4.30.

³⁸ Здесь возможен намек на Феолепта, который был в Филадельфии практически неограниченным властителем.

³⁹ Janin R. *La geographie*, p. 14, 252.

⁴⁰ Guiland R. *La Correspondance*, p. 122.

⁴¹ Papachryssanthou D. *Actes du Protaton*. Paris, 1975, p. 126.

⁴² Laurent V. *Les Regestes des actes du Patriarcat de Constantinople*. Paris, 1971, vol. 1, fasc. 4, № 1602, 1605, 1658, 1780.

⁴³ Ibid., N 1596, 1615, 1617, 1618, 1659. 1756.

⁴⁴ Papachryssanthou D. *Actes*, p. 125—126.

⁴⁵ Соколов И. И. Избрание патриархов, с. 23.

СОКРАЩЕНИЯ

АДСВ	— Античная древность и средние века
АИСК	— Археологические исследования средневекового Крыма
АО	— Археологические открытия
АП	— Археологічні пам'ятки УССР
Арист.	— Аристотель. Афинская полития. Пер. С. И. Радцига. М.— Л., 1936
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВВ	— Византийский временник
ВДИ	— Вестник древней истории
ВО	— Византийские очерки
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГХЗ	— Государственный Херсонесский заповедник
ГХМ	— Государственный Херсонесский музей
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК	— Известия археологической комиссии
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИРАИК	— Известия Русского археологического института в Константинополе
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии